

О Николае Петрове слышаны, кажется, все. Отчего так? Потому что он — блестящий пианист-виртуоз? Или оттого что — один из немногих, кто, пользуясь мировой известностью, продолжает с фанатическим упорством колесить дороги Родины, пробываясь к отечественному меломану, как столичному, так и провинциальному? Или потому что не чужд Николай Арнольдович публичности не только сценической: видим мы его и в популярной телепередаче "Момент истины", и даже на митингах, где артисты отстаивают свои жизненные интересы...
Эти вопросы вертелись у меня на языке, когда я шел на встречу, которую Николай Арнольдович назначил в своем стиле: не дома, не в репетиционном классе, а в... видавшем виды "вольво", которое он наскоро пригнул на Тверском бульваре.

— Ой, нет, — сразу решительно отшел мои "подозрения" в ловком "строительстве" собственного имиджа собеседник. — Имиджмейкер из меня никудышный. Я и не умею это делать, да и противно. Замечательно сказал когда-то наш прекрасный режиссер Николай Акимов, что досадно получать подарки, которые сам себе положил под подушку. Покупной успех, рукоплескания клаци — не по мне. Если говорить о какой-то популярности, то ее я достиг вот этими двумя руками, мозгом, сердцем.

— Кажется, вы стали чуть ли не первым советским музыкантом, отказавшимся от услуг Госконцерта и подписавшим договор с иностранной импресарской фирмой.

— Это так, но знаете, сегодня мне не хотелось бы ворошить историю более чем 15-летней давности. Теперь между мною и Госконцертом, его нынешним директором Панченко совершенно нормальные отношения. Конечно, обид было очень много, и забыть пять лет, которые у меня выдрали с мясом, то есть пять лет моего невыезда за рубеж, трудно...

— Стало быть, в наши дни что-то все же меняется к лучшему, в частности некоторые моменты филармонической деятельности?

— Определенно меняется. Я бы сказал, что, несмотря на общее кризисное состояние общества, происходит активное возрождение тяги нашего многострадального народа к культуре. Я дожил до тех времен, когда выступления каких-нибудь эстрадных дергунов собирают четверть зала, а на хорошие спектакли, выставки, концерты филармонических артистов публика валом валит. Да, в СССР билеты стоили копейки, школьников и студентов зазывали бесплатно — но порой приходилось отменять концерты, потому что на вполне достойных артистов не продавалось ни одного места. А сейчас, когда людям не платят зарплату, в домах холодно, свет не горит, транспорт не ходит, эти замечательные люди все равно приходят, до отказа заполняют зал, а иногда даже просят поставить стулья на сцене, вокруг рояля, чтобы только иметь возможность послушать Баха, Моцарта, Шуберта, Шумана...

Кроме того, по-новому, без диктата вышестоящих органов, заработали филармонии, антрепризы. Они приглашают тех исполнителей, которые будут интересны публике данного города. Такого количества успешных артистических проектов я не помню в прошлые годы. Возьмите, скажем, театр — какие замечательные премьеры у Захарова, Гинкаса, Яновской, Фокина, Васильева...

— Вы какого имеете в виду Васильева — Анатолия или Владимира? Если судить по рецензиям, то второй, в отличие от первого, явно не в фаворе у критиков...

— Вы знаете, тут действует пережиток старого сознания брежневских, черненковских времен. Большой продолжает восприниматься как своего рода парадная вывеска страны и одновременно как придворный театр. На нем ско-

Есть, правда, надежда на новый телеканал культуры...

— Недавно я поймал телепередачу, где академик Дмитрий Сергеевич Лихачев выступал против занятия культурным каналом частоты, которая принадлежала Санкт-Петербургскому телевидению, поскольку при этом город на Неве остается без рупора.

— Ну я думаю, что здесь нет неразрешимой проблемы: уверен, на этом канале найдется место, чтобы показать и великолепный филармонический оркестр, и театр Товстоногова, и балет Эйфмана, и

кальной секции Совета по культуре при президенте России, как президент Академии российского искусства и просто как гражданин борюсь вместе с моими соратниками за то, чтобы наконец был принят закон о меценатстве. Чтобы человеку, который, предположим, дает 100 000 долларов на проведение музыкального конкурса или выставки молодых художников, не вешали тут же на шею 44000 налога только за то, что он дал, и еще столько же — тем, кто взял. Кроме того, я считаю необходимым введение целевого сбора на культуру

Кремля стоимостью в несколько миллионов долларов. Лучше на эти деньги обеспечить наши бедствующие оркестры.

— Сами вы когда-нибудь принимали участие в чем-либо подобном?

— Нет. Понимаете, когда Доминго, Паваротти и Каррерас — безусловно, выдающиеся музыканты — в унисон поют перед стотысячной публикой стадиона "О sole mio", то речь здесь идет не столько об искусстве, сколько, во-первых, о больших деньгах, которые светят сквозь идею этого предприятия,

пианистка. Очень способная, с прекрасными руками, памятью. Но, сдав экзамены, она сказала: все, папа, хватит... И поступила в университет на журналистский факультет. Иногда играет — для удовольствия... Но я, в общем, не в печали. Потому что конкуренция сейчас чудовищная, шанс "выплыть на поверхность" ловится порой даже не на конкурсах, а в значительно менее приятных для молодой девушки ситуациях... Так что — пусть пока журналистике поучится, это тоже неплохая школа...

— Сейчас, насколько я понял, вы отдыхаете — часты ли у вас такие паузы?

— Совсем не часты. Это, пожалуй, первый раз в жизни — чтобы вот так два месяца я никуда не ездил. Я отказался на это время от всех гастрольных приглашений и наслаждаюсь спокойной жизнью. Читаю, смотрю НТВ-плюс, гуляю, принимаю у себя друзей... И вновь убеждаюсь в том, что гедонизм — это все-таки самая замечательная жизненная философия.

— Чем еще увлекаетесь — охотой, рыбной ловлей?

— Ни тем, ни другим. Честно говоря, я стал очень ленивым, Обломов по сравнению со мной — просто Стаханов. Страшно полюбил бывать дома, изо всех поездок теперь тянет поскорее вернуться под родной кров. Известна восточная мудрость: человек должен посадить дерево, построить дом и вырастить ребенка. Вот эту программу я выполнил на две трети. Деревя я не посадил просто потому, что у меня радикулит; остальное же сделано: дочка моя уже взрослая, и три года назад мною закончено почти 30-летнее строительство. Теперь у меня чудесный, теплый, уютный, красивый загородный дом, не имеющий ничего общего с этими лунными пейзажами, как я называю кирпичные монстры "новых русских". Он деревянный, небольшой, но в нем есть все необходимое для меня, для моей мамы, для моей жены, для моей дочери, для моих животных — у меня два кота и собачка.

— Интересно, какой вопрос вам чаще всего задают журналисты?

— Естественно, кто мой самый любимый композитор.

— И кто же?

— Ну, ответить на него — все равно что сказать, кого ты больше любишь, папу или маму. Обычно я говорю так: люблю то, что играю, а играю то, что люблю. Наиграл я за свою жизнь огромное количество сочинений. Недавно, пересчитывая, сколько концертов с оркестром я в прошлом сезоне сыграл, с ужасом обнаружил, что 52! И где-то, я думаю, уже к 50 подходит количество сольных программ, имеющихся в моем репертуаре. Это, конечно, не значит, что я могу сейчас сесть и с ходу все эти программы сыграть, но дайте пару недель — и их восстанавлю.

— А когда вы в ближайшее время услышите?

— Вы меня очень много услышите в этом сезоне. Мой абонемент — это все клавирные концерты Баха. Плюс еще десять новых концертов с оркестром, которые до того не играли.

— Ну да, вы же много играете новой музыки, были первым исполнителем таких капитальных произведений, как Первый, Второй, Четвертый концерт Шедрина... Может, Родион Константинович еще для вас напишет?

— Кто знает — я был бы этому очень рад... В общем, приходите, пожалуйста, в консерваторию. Вот там, кстати, и рассудите, где я лучший "имиджмейкер" — перед диктофоном журналиста или за клавиатурой рояля.

Беседу вел Сергей БИРЮКОВ.

СУББОТНИЙ СОБЕСЕДНИК

Николай ПЕТРОВ: ОБЛОМОВ ПО СРАВНЕНИЮ СО МНОЙ — ПРОСТО СТАХАНОВ

дятся самые разные интересы, вокруг него плетутся интриги. Многие ностальгируют по старым временам, когда можно было позвонить по телефону или понаущинчать в отделе культуры ЦК и по твоему желанию в театре выстраивались в струночку: этого выдвинуть, этого задвинуть... Мне кажется, сегодняшняя кампания в прессе против некоторых руководителей Большого театра — остаточное проявление такой вот закулисной возни.

— Однако мы с вами отклонились от темы — мы говорили о положительных сдвигах в работе концертных организаций.

— Да, и притом в провинции отношение к культуре нередко даже теплее, чем в столице. Например, маленькая Тверская филармония — а у нее трудностей, поверьте, не меньше, чем у Московской, — находит средства и покупает новые инструменты, делает роскошный ремонт зала, облицовывает лестницу мрамором, оборудует потрясающую студию звукозаписи. В Архангельске филармония приобрела новый прекрасный "Стейнвей", меня пригласили, чтобы, так сказать, лишить его невинности. Надо заметить, таких приглашений в последнее время было немало — из самых разных уголков страны, люди понимают, что нельзя играть на старом корыте, и я за это снимаю перед ними все имеющиеся в наличии шляпы. В Белгороде, в помещении, где еще недавно излагались на своих сходках большевики, открыт чудесный концертный зал мест на 600 — ротонда с колоннами, прекрасная акустика... Тоже поставили новый "Стейнвей", выступил небольшой местный оркестр. И у людей из публики на лицах было выражение, будто они пришли на открытие храма. Понимаете, наша страна переживает трудности, но она стоит незыблемо, пока жива ее культура. Уничтожить Россию можно, только уничтожив ее культурный потенциал.

— Но ведь это в какой-то степени и происходит. Посмотрите на телепрограммы — раньше вы могли найти в них симфоническую, оперную музыку, а сегодня...

— Да, по моим подсчетам, Российское телевидение уделяет серьезному искусству 20—25 минут в день. Не сильно отличается положение и на других каналах. Передачи типа "Партийной зоны" ужасающе... Говорят, рейтинг классической музыки невисок? А вы меньше передавайте, еще ниже будет...

лекцию Дмитрия Сергеевича...
 — Но на этом же канале еще сидит и коммерческая станция "Телеэкспо"...

— А вот это ужасно — все эти пресс-пати, азотики, безграмотная речь Дмитрия Диброва, магазины на диване, магазины в сортире...

— Нам упорно втирают, что на Западе интерес широкой публики к серьезной музыке более глубок, чем в России.

— Вот по этому поводу я ответственно заявляю: публика Екатеринбурга, Новосибирска, Воронежа, Сургута ничем не хуже публики Балтимора, Бильбао, Регенсбурга или Дюссельдорфа. Она беднее — это так. Я в своих интервью уже неоднократно говорил, что если на Западе люди ходят в концерт (надо говорить — "в концерт", а не "на концерт") благодаря всем чудесным достижениям тамошней цивилизации, то у нас — вопреки. Там в зал приходят сытые, одетые, отдохнувшие слушатели, которые после концерта могут еще прекрасно поужинать где-нибудь в ресторане, после чего сесть в машину и уехать к себе на виллу... Ничего этого наши не имеют: они давятся в транспорте, бредут по грязным, темным улицам, продуваемые всеми ветрами, поливаемые дождями, — и до отказа заполняют залы. Поверьте, эта публика мне дороже, я ее не променяю ни на какую другую.

— Слышал также, что планетарной столицей музыки сегодня считается Лондон — так ли это? И какое место в мировой филармонической жизни занимает Москва?

— В Лондоне действительно восемь-девять прекрасных залов уровня нашего Большого зала консерватории, вы можете услышать в них и оркестровую, и ораториальную, и оперную, и симфоническую, и старинную, и суперсовременную электронную музыку...

Что касается Москвы, то она могла бы "переварить" гораздо большее количество разнообразных концертов, если бы не дикое законодательство — в частности, налоговое. Я как председатель музы-

со всех юридических лиц — с банков, заводов... Пусть это будет половина, треть процента годового оборота — но именно так существуют во всем мире театры, филармонии, оркестры.

— Не оттого ли, что чистый академизм сегодня не очень сытно кормит и, стало быть, непрестужен, в сфере высокого искусства проникают обычаи поп-культуры? И наивысшего успеха достигают люди, культивирующие в себе качества шоумена — например Ростропович...

— Ну, Мстислава Леопольдовича я не берусь судить, он слишком велик для этого и имеет право поступать так, как он считает нужным.

— Стало быть, вам нравятся громкие акции с игрой симфонического оркестра на Красной площади или у храма Христа Спасителя?

— Вы знаете, акция акции разны. Когда, например, Ростропович дирижировал на Красной площади увертюрой Чайковского "1812", это было замечательно, а главное, очень соответствовало природе сочинения — парадного, в партитуре которого прямо-таки слышатся этот победный пушечный гром и перезвон колоколов. Но если вы имеете в виду недавние юбилейные действия в Москве, то сегодня, по моему убеждению, не время устраивать оперное шоу на фоне

подобно июльскому солнцу в зените, и, во-вторых, о популизме. Не пристало великим играть в такие творческие поддавки.

— Коль зашла речь о популизме и "поддавках" — как вы относитесь к нынешнему повороту в творчестве Евгения Кисина, который в свой недавний приезд к нам потешил любителей откровенной виртуозности, представ таким мастером бравурной игры, хотя мы его помним как тонкого, вдумчивого музыканта?

— Судя по тем фрагментам, что передавались по телевизору, нежный, деликатный, субтильный, фразильный, хрупкий Женья Кисин, как он был лет 10—15 назад, сегодня, что называется, вошел в силу, он — словно молодой скаун арабских кровей, которому в радость самый фантастический галлоп. И меня в 20—25 лет упрекали за превалирование виртуозности над содержанием. Но я лет 20 как этот баланс, хочу надеяться, сценарировал. Что же касается Жени — он человек уникального дарования. Я считаю, что он является последним представителем русской исполнительской школы.

— А куда же она делась?

— Уехала за границу. То есть уехали ведущие педагоги — хотя там профессиональный уровень учащихся значительно ниже, чем здесь, но денег платят значительно больше. Я, с одной стороны, не могу осуждать профессуру той же Московской консерватории за этот отхожий промысел. Но с другой — должна же быть ответственность за судьбы живых людей, которые пришли к тебе в класс и сказали: Вера Васильевна, Сергей Леопольдович, научите меня играть на рояле, — и потом вместо регулярных занятий эти молодые люди видят своих профессоров два-три раза в год по неделе...

А вы преподаете в консерватории?

— Да, у меня небольшой, но очень хороший класс — пять человек. Должен сказать, что никто не может меня упрекнуть в манкировании моими обязанностями. Хотя денег за их исполнение я не получаю: по моей просьбе бухгалтерия отдает их моим студентам. Назвать эти деньги зарплатой у меня язык не поворачивается.

— А у вас в семье кто-нибудь продолжает ваши музыкальные традиции?

— У меня одна дочь, она окончила училище при консерватории как